

ГРУЗИНСКИЙ ОБЛИК
ХРИСТИАНСТВА

СТАТЬИ И ЭССЕ

I.
ЦЕРКОВЬ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ГРУЗИИ

Грузинский язык для этого доклада я избрал не только потому, что соскучился по грузинской беседе, а больше потому, что содержание его в первую очередь касается грузин. С юности осталось у меня в памяти название одного их рассказов Эрнеста Хэмингуэя. Оно представляет собой итальянскую фразу и звучит так: «*Che ti dice la patria?*» – «*Что говорит тебе родина?*».

Что говорит нам опыт нашей родины и нашего народа? Ведь с процессами, подобными нынешней глобализации, человечество и вместе с ним грузинский народ сталкивается не впервые. Персидская, Римская, а затем Византийская империи, арабская, турецкая, монгольская экспансии, затем включение в ареал западноевропейской ци-

визации, вхождение в Российскую империю, – все это аналоги и репетиции нового миропорядка и глобализации.

«*Все воды Твои и волны Твои прошли надо мною*» [Пс 41, 8], – эти слова Давида Псалмопевца с полным правом может повторить и грузинский народ.

Некоторые подобные явления для многих народов, и в том числе, грузинского, носили крайне острый, трагический, можно сказать, апокалиптический характер, не одну страну доведя до деградации и вырождения. Самое благое и плодотворное из них – «*Византийское содружество*», по обозначению одного ученого – все же таило множество опасностей для входящих в его круг народов, для их религиозной, культурной и иного рода идентификации.

Какой была реакция наших предков на эти вызовы, которые по Божьему промыслу вставали перед ними один за другим?

Мы рассматриваем этот вопрос сегодня в религиозном, вероисповедном аспекте, но некоторые признаки характерны для поведения грузин вообще, во всяком случае, были характерны в отношении к новым, непривычным политическим, религиозным, культурным явлениям.

Мы считаем, что в грузинском подходе можно выделить три основных признака: участие, т. е. вовлечение в новые обстоятельства, верность некогда воспринятой правой вере и справедливое и терпимое, если обратиться к современной тер-

минологии, истинно экуменическое отношение к встреченным на историческом пути духовным проявлениям.

Наиболее впечатляющим примером способности грузин включаться в то или иное движение международного мирового значения представляется их участие в жизни древнехристианского мира.

Они оправдали сказанное Овидием: «*Omne solum forti patria (e)st, ut piscibus aequor*» («*От важному весь мир – отчизна, как рыбе – водное пространство*»). Этим *aequor*-ом, удобным пространством, где они чувствовали себя, как рыба в воде, для грузин стало вселенское христианство, Вселенская Церковь, частью которой они окончательно стали в IV веке.

С этого времени во многих местах восточной половины христианской экумены появились грузинские подвижники и грузинские обитатели. Святая Земля, другие святые места Востока стали целью путешествий грузинских паломников, для многих из них – духовной родиной и желанным местом последнего упокоения. Византийскую империю грузины не воспринимали, как чужбину в полном смысле этого слова, но как место отчуждения, странничества. Некоторые устремляли свой взор еще дальше, как Иларион Грузин, который путешествовал по Италии, или Иованэ Святогорец, который собирался бежать с Афона в Испанию, поскольку Афон, его же стараниями став слишком грузинским, не мог уже выполнять функцию

«отчуждения».

Грузины не старались обособиться, не стремились во что бы то ни стало создавать грузинские монастыри, охотно селились в уже существующих – Синайском, Саввы Освященного, Симеона Дивногорца и во многих других обителях.

Также, когда грузинские цари и феодалы строили монастыри за пределами Грузии и одаряли их, это вовсе не обязательно были грузинские монастыри. Биограф Давида Строителя († 1125) сообщает об этом святом царе, что он *«лавры и соборы и монастыри не только своего царства, но и Греции, Святой Горы и Боргалети (Болгарии), а также Сирии, и Кипра, Черной Горы (находилась близ Великой Антиохии), Палестины исполнил добра. Более же всего Гроб Господа нашего Иисуса Христа и имеющих пребывание в Иерусалиме разнообразными милосердованиями обогатил»* и *«на Горе Синай, где видели Бога Моисей и Илия, построил монастырь и выдал много тысяч золота и драгоценные украшения и книги церковные вполне и сосуды для святыни из отборного золота»*.

Архиепископ же Тимотэ Габашвили (1703–1764) в своих *«Хождениях»* (1759) и афонские источники свидетельствуют, что афонский греческий монастырь Филофей был восстановлен в XVI веке на пожертвования кахетинского царя Леона.

И наоборот. Когда Баграт III (978–1014) стал испытывать трудности в строительстве нового Светицховели, он обратился к византийскому им-

ператору Василию II, с помощью которого и был построен главный собор Грузии.

Большая часть выдающихся грузинских подвижников и святых этой эпохи просияли за пределами своей родины. Отсюда их иностранные прозвища – Иерусалимский, Афонский, Калипосский, Улумбойский.

Символическим и идеальным представителем той эпохи и тогдашних грузин мы можем признать Эптвимэ Афонского – настоятеля Иверской Лавры и духовного наставника всего Афона, одного из величайших столпов грузинской культуры и письменности и, в то же время, автора одного из самых известных и популярных произведений средневековой греческой литературы – *«Повести о Балаваре и Иоасафе»*, ставшей излюбленным чтением для представителей многих народов и религий.

Грузины и в другие эпохи не раз проявляли желание и талант ввязываться в новые ситуации и, между прочим, даже в менее благоприятных случаях, когда сдержанность и невмешательство, как кажется, были бы намного более выигрышными. Как видно, то, чем совсем не обладали наши предки, – это способностью к самоизоляции.

Из-за этого огромным чудом представляется факт, что с тех пор, как в Грузии утвердилось христианство, Грузинская Церковь неизменно хранила правую веру – учение Вселенской Церкви. *«Ивиры – христиане и лучшие всех известных нам*

народов хранят уставы этой веры», – писал в VI столетии великий историк Прокопий Кесарийский.

Пять-шесть веков спустя, сначала преподобный Гиорги Афонский, затем собравшиеся на Руисско-Урбнисском соборе отцы свидетельствовали, что с тех пор, как грузины познали истинную веру, они не изменяли ей и не изменят: «Это есть вера правая рода нашего и, когда однажды познали ее, уже не уклонялись налево либо направо, и не уклонимся, если Бог пожелает».

А уже в XIX веке митрополит Макарий Булгаков, кратко обозревая историю христианства на грузинской земле, писал так: «Не раз пытались проникнуть в Грузию ... ереси и лжеучения, как то: ересь Петра Фуллона, который проповедовал, что надобно прибавлять к Трисвятой песни распныйся за ны, ересь албанцев, первоначально (ок. 650 г.) явившихся в Албании и учивших большею частью согласно с заблуждениями манихеев и других еретиков сирийских; наконец, ересь монофизитов, которые, вторгшись коварством и обманом в Церковь Армянскую, думали также увлечь за собою и жителей Иверии. Но все напрасно: против первой ереси был в Грузии Собор пастырей, торжественно ее осудивший; против второй пастыри вооружились мечом Слова Божия, цари – всею своею властью, народ – явным отвержением; третью предал анафеме католикос Кирион, запретивши притом своим пасомым всякое общение с заблудшими. Соблюдая таким

образом во всей чистоте и неповрежденности православную веру отцов, при всех смутах и бедствиях в продолжение веков народ грузинский умел соблюдать в себе и благочестие, которому иногда невольно отдавали справедливость даже иноплеменные наблюдатели».

Текст митрополита Макария, за исключением некоторых нюансов (общение с грузинами своим пасомым запретил армянский католикос), точно описывает историческую действительность, но кто-то может посчитать это идеализацией, тем более, если учесть, с одной стороны, полную катаклизмов историю грузинской нации, а с другой стороны, круговорот ересей и расколов, которые сопровождают земной путь Христианской Церкви.

Чего только не видела Грузинская Церковь: великий расцвет, выдающихся подвижников, святых царей, видела и разгром и разорение, мучеников в народе и на троне, священников, убиваемых у святых престолов, так что кровь их, по слову грузинского летописца, смешивалась с Пречистою Кровью Господней; видела падение церковных нравов, так что по описанию того же летописца, из самого дома Божьего исходили всякое нечестие и грех, недостойных служителей, царей-вероотступников, видела себя номинально переставшей существовать – когда ее лишили автокефалии, или отверженной обществом в советское время и почти переставшей существовать уже не номинально, а на самом деле.

Не видела Грузинская Церковь за века своего существования только одного – сколько-нибудь заметно затронувшей ее ереси и еретиков на кафедрах грузинских первосвятителей и святителей.

Чем можно объяснить это чудо? Великий грузинский авва Гиорги Святогорец приписывал это Божьему желанию: *«Никогда не уклонялись... и уже не уклонимся, если Бог пожелает»*. Думаем, напрасны были бы поиски иных, земных причин, каких-то специфических черт или особых национальных характерных признаков, или же уникальных исторических, географических или иных условий.

Дар православия – чистый дар Божий, зависящий от божественной воли и ею определяемый. И в тот миг, когда Господь возжелал бы отнять его, исчезло бы одно из лучших и главных украшений Грузинской Церкви. Но древние грузинские отцы верили, что эту Божью милость их Церковь сохранит до Второго Пришествия.

Но каковым было участие самих грузин в этом даре?

Когда в начале XX века, в рамках Предсоборного присутствия 1906 года в Санкт-Петербурге рассматривался вопрос о восстановлении автокефалии Грузинской Церкви, один из ярых ее противников писал, что грузины, *«как всем известно»*, всегда отличались от всех иных христианских народов равнодушием к вопросам веры, подтверждением чему является то, что у них никогда не было ере-

сей, расколов и тому подобного.

Странное соображение, но на самом деле, если возможно найти земную причину отсутствия в Грузии ересей, это – во всяком случае – не безразличие представителей этого народа к вопросам веры. Прежде всего, безразличный к вере народ не смог бы сохранить ее в течение 2000 лет в условиях почти непрекращающегося жестокого преследования со стороны представителей различных вер и безверий.

Вместе с тем древнейшие грузинские «акты» мученичества не только показывают преданность вере, но и ее осознанное исповедование и отрицание противостоящих ей неправых вероучений.

Трезвость и осторожность в отношении догматических отклонений, борьба с ними словом и делом представляет собой в Грузии одну из знаменательных сторон духовной жизни. Эта борьба сама не раз сопровождалась перегибами – преследование Сулхана-Саба Орбелиани, изгнание Католикоса-Патриарха Антони I, многовековая хула на Шота Руставели как еретика.

И еще один парадокс, хотя, если присмотреться, парадокс кажущийся – со строгой и иногда чрезмерной правоверностью сочеталось терпимое, справедливое отношение к чужеродным духовным явлениям.

Подтвердить это можно в отношении фактически каждого религиозного учения или практики, с которыми грузинский народ встречался

на своем пути. Я же сейчас остановлюсь на двух вероучениях, которые играют в современном мире наиболее заметную и активную роль – католицизме и магометанстве.

Взаимоотношения грузин с католическим миром, с западными христианами, прослеживаются с самых ранних времен. Все древние редакции *«Жития Святой Нино»* содержат эпизоды, которые связывают рождение Грузинской Церкви и саму святую Просветительницу с западной частью христианского мира и с Римским престолом.

Согласно житиям, отец св. Нино – Завулон (Забилон) обратил и просветил святым Крещением одно из галльских (бранджских) племен. С другой стороны, узнав о крещении Грузии и чуде Животворящего Столпа Римский *«святой патриарх папа»* (по мнению одного из издателей *«Жития»* Михаила-Гоброна Сабинина, это был святой папа Сильвестр, 314–335 гг.) прислал некоего диакона с письмом, в котором воздавал хвалу Нино. А в прошлом столетии грузинский католический священник Микеле Тамарати (Михеил Тамарашвили) издал известный сборник документов о грузино-западноевропейских религиозных, политических и других взаимоотношениях в течение V–XVIII веков, в том числе, переписки грузинских царей с римскими папами.

В понимании христианской родины Иларион Грузин, Иованэ, Эптвимэ и Гиорги Святогорцы

заходили далеко за пределы восточной части бывшей Константиновской империи, до которой ее постепенно свела историческая судьба.

Широкое понимание христианской вселенной оставалось и после падения Византии.

В XV–XVI веках грузинские политики (царь Константин III и другие) не раз обращались к Римским Папам и европейским (испанским, бургундским, французским) государям с предложениями совместных военных действий с целью освобождения Константинополя. Символически выглядит дружба грузинского афонского старца Габриэла, имя которого связано с обретением Иверской иконы Божьей Матери, и итальянского подвижника бенедиктинца Леона и рассказ Гиорги Афонского об их долгих беседах, хотя каждый владел только своим родным языком. *«От их святости все возможно было и вероятно»*, – объясняет это чудо Гиорги Святогорец.

Сам Гиорги, современник раскола 1054 года, был сторонником единства обеих частей Вселенской Церкви, оправдывал западные литургические обычаи, подтверждал православие Римской Церкви, столь же непоколебимое на протяжении веков, как и, по его же свидетельству, учение Грузинской Церкви.

Коротко перечислим еще несколько фактов. Святой царь Давид Строитель (1073–1125) посылает грузинское войско в Святую Землю в поддержку крестоносцам. И сам принимает их

помощь. В Дидгорской битве народов (1122) против коалиционного войска мусульман на стороне царя Давида сражались двести франкских воинов. В 1459 году грузинскому царю Гиорги VII (1446–1466) нанес визит посол Папы Римского Пия II с предложением участвовать в освобождении Константинополя. Это предложение было принято столь близко к сердцу, что ради него на время помирились друг с другом царь Гиорги и мятежные феодалы. В конце того же столетия царь Грузии Константин с той же целью предлагает испанской королеве Изабелле совместный поход.

В этот и последующие периоды грузинские цари благосклонно относятся к деятельности католических миссионеров в Грузии. По свидетельству Католикоса-Патриарха Калистратэ, выдающийся государственный деятель XVIII века Гиви Амилахвари оказывал материальную помощь, как грузинскому духовенству, так и подвизавшимся в Грузии католическим отцам.

В книге *«Путешествие в Европу»* крупнейшего церковного, государственного и духовного деятеля того же века, писателя Сулхана-Саба Орбелиани католический мир предстает как неотъемлемая часть христианской экумены, где много своеобразного, но ничего нет принципиально неприемлемого, например, стигматы, которые почему-то превратились в еще один предмет пререкания для православных.

Самую светлую страницу взаимоотношений

грузинского православия и римского католицизма представляет поистине экуменическая фигура святой великомученицы Кетеван, которая претерпела страшные мучения за Христа в Иране в 1624 году.

Святая царица в последний и самый тяжелый период своей жизни получала духовное окормление и поддержку в католической миссии португальских монахов-августинцев, они благословили ее на крестный путь, затем спрятали ее святые мощи, позднее часть передали в Грузию, часть взяли с собой в Гоа, в Индию, в тамошний свой монастырь, а часть доставили в Рим, в базилику Святого Петра, где они и пребывают доныне.

Когда переходим к взаимоотношениям грузин с исламом, обязательно нужно вспомнить, что небесным покровителем Тбилиси, города, который принимает наш форум, является святой Або, бывший мусульманин и араб по национальности.

Мы не собираемся приукрашивать трагическую историю взаимоотношений грузин с магометанством, да это и невозможно. Но удивительно, что в результате мук и терзаний, причиненных последователями Магомета на протяжении более тысячи лет, грузины не только не выработали враждебного отношения к мусульманским народам, но сумели сохранить уважение и интерес к их культуре и религиозной жизни.

Трагический опыт взаимоотношений с исламским миром, парадоксально подытожен в поэме великого грузинского поэта Важа Пшавелы

«Гость и хозяин», где из кровавого и непримиримого противостояния возникает братская самоотверженная любовь мусульманина Джохолы и его жены Агазы и их случайного гостя, их же соплеменниками замученного христианина Звиадаури, любовь, которая навсегда соединила их за порогом смерти.

Корни столь противоречивого восприятия ислама и его последователей уходят в древнейшие времена, в эпоху возникновения этой религии и арабского нашествия на Грузию. Тогда символом борьбы с военной, политической и религиозной экспансией ислама стал уже упомянутый святой Або – молодой мусульманин из Багдада, который стал христианином в Грузии и за это был наказан смертью мусульманскими правителями Тбилиси. Его друг Иованэ Сабанисдзе написал «Мученичество Або» как первый в Грузии и, по нашему мнению, по сей день непревзойденный манифест патриотизма. Но в то же время это гимн, хвалебная песнь чужому родом и верой, который пожертвовал собой для спасения грузинского народа, стоявшего почти на краю гибели. Сабанисдзе не сомневается в превосходстве религии своего народа, веры Христовой, но охваченный благодарным восхищением, он не может полностью презреть тот народ и ту религию, которым изначально принадлежал его друг и герой. *«Он порождением был Авраамовым, – представляет своего героя автор, – из сыновей Измаила, от колена сарацинского, и отнюдь не от*

иноплеменника или от наложницы рожденный, но всяко аравийского племени, по отцу и матери, которого отец его и мать его и братья и сестры его были там же в городе том Багдаде Вавилонском., и научен был грамоте сарацин, сынов Измаила, сынов Авраама, порождений Агариных». Сабанисдзе словно гордится чистотой и древностью арабской крови своего героя, его мусульманским благородством. Тем более, что здесь явно подражание апостолу Павлу, который похвалялся своей еврейской кровью и иудейским благородством.

Позднее, в X веке арабы во главе с Абул-Касимом замучили 133 защитника крепости Квелис-цихэ и их начальника Михаила-Гоброна. Тбетский епископ Стефанэ, который описал их мученичество, отметил великое чудо, которое происходило на могилах святых мучеников: каждую ночь огни, подобно лампадам, спускались с неба и всю ночь светили на том месте. Почти невозможно поверить, что писатель, сообщаящий о чуде, столь славном для христиан, не останавливается на этом и добавляет, что, когда об этом чудесном явлении сообщили Абул-Касиму, он ответил, что то же самое происходит и над сарацинскими воинами, которые были убиты греками. Эту неуместную вставку еще можно было бы понять, если бы автор опроверг слова эмира и, как это принято в подобных случаях, разоблачил дьявольские козни. Так же, как он немного ранее осудил последователей ересей.

Но теперь он не дерзает произнести укоризненно-го суда над свидетельством о чуде на могилах сарацинских воинов.

Этой способности, где только возможно, беспристрастно и даже с одобрением воспринимать представителей исламского мира, не смог лишить грузин даже многовековый кровавый опыт. Историк Давида Строителя горько оплакивает разорение Грузии туркменской ордой, но повелителя тех же туркмен характеризует так: *«Ибо был человек тот Малик-ша, как величиною краев державства несравненный, так и образом сладости и благостью возвышенный над всяким человеком, о котором много есть и других бесчисленных известий — правосудия, милости, любви к христианам и, дабы не продолжать слова, совершенно незлобивый имел некий разум во всех отношениях»*. Это ведь почти описание божества. На такие слова летописец не расщедрился даже для своего героя, славного Давида Строителя.

Грузино-исламскую тему хочу закончить почти современной историей. Я вычитал ее в книге известного борца с «*экуменической ересью*» архимандрита Рафаила (Карелина). Когда будущего Католикоса-Патриарха, тогда епископа Эфрема, арестованного безбожниками, ввели в камеру, там не оказалось свободных нар. Тогда один заключенный-мусульманин уступил ему свое место, а сам устроился на полу. Владыка Эфрем предложил ему лечь рядом, но мусульманин отказался: *«Я не*

достойн лежать рядом с Божьим человеком». Этот эпизод рождает два вопроса: возможно ли быть почитателем святости, не будучи хоть в малой мере причастным к ней, и – всякий ли единоведец владыки Эфрема сумел бы столь же ясно прозреть Божьего человека в арестанте, которого видит первый раз?

Еще раз повторим тот вопрос, с которого начали этот доклад: «*Che ti dice la patria?*» – «*Что говорит тебе родина?*»

То сообщение, тот, говоря модным словом, «*message*», который содержит наша история, наша культура, пример наших предков, можно, на наш взгляд, выразить тремя понятиями, следующей триадой: сотрудничество, православие, экуменизм.

Международный форум
«Глобализация и диалог цивилизаций».
Тбилиси, октябрь 2004.

